

С. А. Мызников

ВЕПСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ
В ФИННО-УГОРСКОМ И СЛАВЯНСКОМ
КОНТЕКСТАХ*

В статье продолжена работа над этимологией лексических данных в контактной зоне прибалтийско-финских языков и русских говоров. Представлен анализ некоторого числа лексем, вошедших в русские говоры из вепсского языка, а также обратные заимствования из русского языка.

Ключевые слова: вепсский язык, диалект, этимология, русские говоры.

Статья продолжает наше изучение этимологии лексикона в контактной языковой зоне Северо-Запада. Наряду со значительным числом лексем, вошедших в русские говоры этой территории из вепсского континуума, фиксируется и обратный процесс: заимствование русских (восточнославянских) данных. В словаре М. Фасмера [18] представлено 119 ссылок на вепсские данные, но, как мы полагаем, только некоторые из них можно рассматривать как верифицированные этимологии.

Заметим также, что большинство лексем, которые рассматриваются как единицы вепсского происхождения, выделены по фонетическим критериям. Между тем в ряде случаев вепсское воздействие может быть подтверждено только на основе комплексного сопоставительного анализа русских и прибалтийско-финских данных, включающего в себя следующие параметры:

I. Анализ формы слова, например: **бо'нга** 'омут' Прионеж. (Ладва, Педасельга), Подпорож. (Пидьма, Шустручей, Юксовичи, Гоморовичи), Вытегор. (Мегра, Ошта, Ундозеро), при вепс. *boŋg* 'водоворот', люд. *voŋg* 'водоворот, глубокое, тихое место в реке'.

II. Сопоставление семантики, ср.: **ле'гушка** 'подбородок' Прионеж., Кондоп. [1. С. 64], при вепс. *l'eüg, l'öng, l'üng* 'подбородок'.

* Статья представлена на Международной научной конференции «Uralo-indogermanica», посвященной лингвисту Р.-П. Риттеру (1938–2011). (16–17 октября 2014 г., Нарвский колледж, филиал Тартуского ун-та, организатор – старший преподаватель Силард Тот.)

III. Сопоставление ареальной дистрибуции русского диалектного слова и вепсского этнического ареала, то есть фиксация лексемы в ареале непосредственных вепско-русских контактов; например, русск. диал. **су'рья** 'навой или пришва в ткацком станке' Подпорож. [4], при вепс. *sür'g', sürj, sürd'* 'пришва (часть ткацкого станка)' [3. С. 534], ливв. *sürjü* 'пришва (часть ткацкого станка)', 'навой' [11. С. 356].

IV. Выявление или верификация этимона; например, **ня'рега** в настоящее время имеет значение 'полоска из жести, которой закрепляют косу на рукоятке' Подпорож. (Шеменичи, Шустручей) [10], хотя хорошо известно, что ранее для этих целей использовались корни или ветви молодой ели. Исходя из этого реконструируется вепс. **näreh*, при фин. *näre* 'молодая небольшая ель', фин. диал. 'ель вообще', 'росток, побег ели или сосны', 'маленькая чахлая ель или сосна', ливв. *näre* 'маленькая растущая ель', люд. *n'äre* 'молодая ель' [21. С. 414], кар. сев. *näre*, кар. твер. *n'are* 'молодая ель' [20. С. 3, 579]. Отметим, что в SKES* фиксируется ливв. *näre^h* 'молодая сосна', на наш взгляд, сохранившийся результат вепсского влияния [21. С. 414].

V. Сопоставление фонетически сходных данных и на прибалтийско-финской, и на вепсской почве; например, **ляйпина** 'кусок бересты, береста' Прионеж. (Педасельга, Ладва) [10], **ле'йпина** Вытегор. (Бараны) [10], при вепс. *läip* (Пондала, Шимозеро), *l'eip* (Пяжозеро), *laip* (Белое озеро) в значении 'кусок, полоса бересты, еловой коры и т. п.' [3. С. 309]. Так, вариант **ляйпина** явно связан с прионежским диалектом, где сохраняется дифтонг [ai]; вариант **лейпина** восходит к средневепсскому диалекту, где указанный дифтонг перешел в [ei].

При анализе вепсских единиц русского происхождения можно выделить лексемы, которые представлены как в древнерусском лексиконе, так и (в ряде случаев) широко на славянской почве.

Вепс. **navet't'a** 'любить' [3. С. 354], заимствовано из русских диалектных источников, ср. *нави'деть* 'терпеть, выносить кого-л.': – *Не люблю пьяниц, не могу навидеть*. Лодейноп. Тихв. [13. С. 3, 301]. 'Любить, уважать кого-л.' Кем. [13. С. 3, 301]. На славянской почве представлено значительное число этимологически первичных данных: укр. *навидіти* 'любить', белорусск. *навідзіць* 'любить', чеш. *navide'ti* 'любить', польск. *nawidzeć* 'любить' [8. С. 21].

Вепс. **naroud'ä, narovida, narōda** 'подождать (немного)' [3. С. 353] имеет соответствия на русской диалектной почве: **сна'рови'ть** 'подождать' Пудож. Олон., Пск., Медвежьегор. [14. С. 39, 84], 'подождать, провести время в ожидании' [13. С. 6, 183], при др.-русс. *норовити* 'не торопить (с выполнением обязательств), ждать более удобного (для другой стороны) времени': *в коли чего не родилося и заплатити нечем, и он норовит*. XVI в. [15. С. 11, 423].

Вепс. **osl'ed'**: *Venubkutñaosled'* (о ленивом человеке) [10] – в вепсском языке представлено только метафорическое значение, тогда как на русской диалектной почве есть обширные этимологические первичные данные с прямым номинативным значением, ср.: **О'следь** 'большое толстое бревно' Великоуст. Волог., 1800. Перм., Вят. **О'следь** 'строевой лес' Вят., 1858. Перм. **О'следь** 'вершина бревна,

* Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.

«покидаемая в отрубе» Вят. [2]. 'Грядка кузова телеги' Арх. [2]. Хотя, заметим, в контактной вепско-русской зоне и на русской почве отмечаются данные с отрицательной коннотацией: **о'следь** 'о худошавом, изможденном человеке' Черепов. Волог., 1967 [14. С. 24, 22]. Из русских говоров слово вошло также в коми язык: ср. коми нижневычегод., сыктывк. *öšlädь* 'длинное тонкое бревно, толстая жердь' [17. С. 270].

В некоторых случаях на вепской почве происходит фонетическая адаптация, характерная только для вепского языка. Так, например, начальный [j] переходит в палатализованный [g]: **g'äl** 'форма для литья свечей' [3. С. 95], при синониме вепс. *valoim* 'то же' [3. С. 611]. Вряд ли вепское *g'äl* 'связано с фин. *kaava* 'форма, контур', при эст. *kava* 'то же' [21. С. 137]. Слово имеет семантическое и фонетическое соответствие с русскими данными, ср. **я'ло** 'форма из дерева для отлива грузил рыболовных сетей' Северомор. (Териберка) [4]; 'форма для литья свечей' Петрозав. [6]; **я'ла** Север [5]. Вероятно, прав Г. Куликовский, утверждая, что **яло** есть только сокращенная форма от слова **ляляло**, широко распространенного в говорах и представленного в СРНГ* в 14 знач. [14. С. 17, 232, 233]. В таком случае слово **яло** представляет собой обратное заимствование из вепского языка.

Нередко вепские данные, которые сосуществуют с русскими, весьма трудны для их этимологической дифференциации. Ср. вепс. **калу** 'палка' [3. С. 175], **katalkkalu** 'валец' [3. С. 187] дослужило источником русск. диал. **ка'ла** 'кол' Пудож. (Канзанаволок) [10], Подпорож. [13. С. 2, 316]. При том, что новые прибалтийско-финские данные добавляют семантически разнородный материал: ливв. *kalu* 'щепка, щепка, чурка' [11. С. 122], кар. *kalut* 'высохшая часть дерева, хворост, палка, сук, щепка', 'несгоревшие остатки ветвей деревьев на подсеке' [20. С. 2, 39], люд. *кали* 'наполовину сгоревшие остатки деревьев на подсеке'. Авторы SKES полагают, что *kalu* первоначально **kalvu* 'сухая палка, часть дерева', при саам. швед. *kalwo* 'предмет, вещь', хотя не исключают и того, что ливв.-люд.-вепс. *кали* может быть другим словом, не входящим в это гнездо [21. С. 152]. Действительно, карельско-вепское значение данного слова отличается от финского, ср. вепс. *кали* 'палка' [3. С. 175] и фин. *kalu* 'вещь, предмет, инструмент'; ср., однако, коми *кӧлуй* 'вещи, принадлежности, инструмент, орудие', которое хоть и возводится авторами КЭСЯ** к русск. диал. **холуй** 'хлам' [7. С. 140], вероятно, является прибалтийско-финским заимствованием. Причем вепс. *kaluižed* 'палки, палочки' и ливв. *kalu* 'щепка, явно соотносятся с основными значениями русского диалектного материала. Непонятно, однако, в какой связи с вепс. *кали* 'палка' находится русск. **кол**, стар.-слав. **коль** и с ливв. *kalu* 'щепка', литов. *skalà* 'щепка' [18. С. 2, 285]. Этот вопрос обходят и авторы SKES, и М. Фасмер, хотя Я. Калима возводит материалы Словаря Куликовского – *калу'жина* «большой кусок, обломок дерева» Олон. [6], к вепс. *калй'н'е*, мн. *калй'žed* 'дубинка' и *кали* 'сожженное дерево на поле' при ливв. *kalu* 'дубинка', при возможной связи с русск. диал. *калужина* 'болото' [19. С. 101, 102].

* Словарь русских народных говоров. Тт. 1–46. М., Л., СПб., 1965–2014.

** Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.

В ряде случаев заимствованные в вепском языке данные представляют собой результат сложных процессов взаимодействия русских говоров, русского литературного языка. Так, **gekophiin** ‘лапчатка болотная’ (*Potentilla*) [3. С. 86] является композитом, образованным на вепской почве, при том что **gekop-** вошла в вепский язык из смежных русских говоров; ср. русск. диал. **деко'п** ‘багульник’ Батец. Новг., при **деко'х**, **дяко'п** ‘растение *Comarum palustre*, лапчатка болотная’ Смол. [5]. На русской почве представляет собой внутреннее заимствование из литературного языка, ср. русск. *декокт* ‘лекарственный отвар из трав’, при неисконной основе: латин. *dēcostum*, польск. *dekoka*, нем. *Dekokt* [16. С. 6, 80].

Данные на прибалтийско-финской и русской почве представляют собой семантически тождественный материал, что можно рассматривать в русле процессов семантического калькирования, однако не всегда достаточно уверенно говорить о направлении воздействия.

Соляники ‘стебли щавеля’ Медвежьегор. (Космозеро, Ламбасручей), Пудож. (Песчаное), Вытегор. (Ошта). **Соляни'ца** ‘щавель’ Повен. (Выгозеро), **солони'чник**, **солони'к**, **солони'ца** ‘щавель’ Пудож. [6]. **Солони'ка** ‘щавель’ Медвежьегор., Пудож., Каргоп., Плесец. [13. С. 6, 216]. **Солони'ца** ‘щавель’ Кириш., Вытегор. [13. С. 6, 217]. В. А. Меркулова, анализируя варианты Г. И. Куликовского, полагает, «что слово **солон** имело в древности, по-видимому, довольно широкое обобщенное значение, выражая различные качества в их противопоставлении по пресному» [9. С. 91]. Довольно узколокальная дистрибуция слова **соляники**', связанная, по-видимому, с наличием подобных лексем в прибалтийско-финских языках, дает возможность сопоставления с прибалтийско-финскими данными, ср. ливв. *suoluheinü* ‘щавель’ [11. С. 350], вепс. *sol'hīn*, *sol'hind*, *sol'hing* ‘щавель’ [3. С. 518], кар. твер. *šualahein'ä* ‘щавель’ [12. С. 280], фин. *suolaheinä* ‘щавель’.

Слепе'ц ‘недозрелая ягода морошки, плотно закрытая лепестками’ Терск., Беломор. [13. С. 6, 149]. **Слепачи** ‘незрелая морошка, у которой еще закрыты чашелистики’ Беломор. (Сумской Посад) [10]. **Слепа'ч** ‘незрелая морошка’ Беломор. [13. С. 6, 148]. Имеется семантически схожая лексема – вепс. *umbik* ‘слепой’, ‘незрелая ягода морошки’ [3. С. 601], при *umbištada* ‘закрывать, прикрывать’ [3. С. 601].

Таким образом, этимологические исследования вепского лексикона, при учете данных различного рода источников, позволяют более детально анализировать уже известный репертуар лексических единиц.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Алекина Л. Н.* Из материалов для регионального атласа русских говоров Карелии // Севернорусские говоры. Л., 1975. Вып. 2. С. 59–65.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Тт. 1–4. М.–СПб., 1880–1882 (2-е изд.).
3. *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепского языка. Л., 1972. 747 с.
4. Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей», СПбГУ.
5. Картотека «Словаря русских народных говоров». Институт лингвистических исследований РАН.

6. Куликовский Г. И. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898. 151 с.
7. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. 430 с.
8. Меркулова В. А. Диалектная лексика и этимология // Этимологические исследования. Вып. 6. Екатеринбург, 1996. С. 18–30.
9. Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967.
10. Полевое лингвогеографическое обследование автора.
11. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990. 495 с.
12. Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. 396 с.
13. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Тт. 1–6. СПб., 1994–2005.
14. Словарь русских народных говоров. Тт. 1–46. М., Л., СПб., 1965–2014.
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М., 1975–2011.
16. Словарь русского языка XVIII века. Л.; СПб., 1984–2013. Вып. 1–20.
17. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Тт. 1–4. М., 1964–1973.
19. Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.
20. Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6 // LSFU. XVI. 1–6. Helsinki, 1968–2005.
21. Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.

Поступила в редакцию 13.11.2014

S. A. Myznikov

Vepsian Etymology in the Finno-Ugric and Slavic Contexts

The work on the etymology of the lexical data in contact zone of Baltic-Finnish and Russian languages is continued in the article. The analysis of some numbers of tokens that entered into Russian dialects from Vepsian language and reverse borrowings from Russian is presented.

Keywords: the Vepsian language, dialect, etymology, Russian dialects.

Мызников Сергей Алексеевич,

доктор филологических наук,
заведующий словарным отделом,

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Россия, г. С.-Петербург, Тучков переулок, 9
E-mail: myznikovs@rambler.ru

Myznikov Sergey Alekseevich,

Doctor of Sciences (Philology),
Institute for Linguistic Researches, Russian Academy of Sciences
199053, Russia, Saint Petersburg, Tuchkov pereulok, 9
E-mail: myznikovs@rambler.ru